

XXXVII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVII

№ 34

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и К. М. Станюковича, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 № № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1906

Выданъ 26-го августа 1906 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Езъ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ кн. 30.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1906 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ полныхъ собраній сочиненій:

Остальныя 30 книгъ полн. собр. сочиненій

М. Е. Салтыкова-Щедрина

и первыя 10 книгъ полн. собр. сочиненій

К. М. Станюковича.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ . . .

6 р. 50 н.

Безъ достав-
ки въ конторѣ
Н. Н. Печковской,
Петровскія линіи . . .

7 р. 25 н.

Безъ достав-
ки въ кн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“,
Римшельская, 12.

7 р. 50 н.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ . . .

7 р. 50 н.

Съ пересылкою
во все мѣстно-
сти Россіи. . .

8 р.

За
гра-
ницу. 12 р.

Въ былые годы. Картина Эдмонда Плюме, авт. «Нивы».

Министръ народнаго просвѣщенія.

(Изъ записной книжки).

А. Круглова.

I.

Онъ былъ маленькаго роста, худенькій, немножко сутуловатый и близорукій. Надъ нимъ почти всё смѣялись, но онъ не отвѣчалъ на товарищескія насмѣшки не изъ смиренія или боязни, а потому, что не обращалъ на нихъ вниманія, сознавая свое превосходство. Онъ это разъ и высказалъ прямо.

— Вы всё хорошо болтаете,—промолвилъ онъ:—посмотримъ, что выйдетъ изъ вашихъ словъ: перейдутъ ли они въ дѣло.

— А ты много сдѣлаешь?—спросилъ его насмѣшливо Григоровъ, первый ораторъ на нашихъ гимназическихъ сходкахъ.

Онъ пожалъ своими узенькими плечами и отвѣтилъ Григорову:

— Много ли—не знаю, но что-нибудь сдѣлаю.

Онъ не любилъ нашихъ собраний, говоря, что мы даромъ тратимъ дорогое время.

Но вотъ какъ-то онъ явился на нашу сходку.

Это всёхъ удивило.

А Илимовъ, весельчакъ и большой комикъ, не выдержалъ и спросилъ:

— Чубаевъ, что съ тобой сдѣлалось? Или ты ошибся дверями и не туда попалъ, куда хотѣлъ?

— Нѣтъ, я не ошибся,—спокойно отвѣтилъ Чубаевъ.

— Хочешь потратить драгоценное время даромъ?

— Одинъ вечеръ можно и потерять,—безъ смущенія проговорилъ Чубаевъ.—Надо же узнать хорошенько, въ чемъ у васъ дѣло.

И затѣмъ, въ теченіе всего вечера, онъ не произнесъ ни одного слова. Онъ только изрѣдка едва замѣтно улыбался и какъ бы въ досадѣ щипалъ свою жиденькую рыжую бородку, какъ называлъ тѣ немногіе волоски, которые росли на подбородкѣ.

Но, когда стали расходиться, Чубаевъ, надѣвая пальто, вдругъ громко произнесъ:

— И вѣрно: вы даромъ тратите время на болтовню... лучше бы читали и работали... время дорого. Ничего вы не сдѣлаете... А вотъ я буду министромъ народнаго просвѣщенія.

Его слова сразу всёхъ ошеломили. Но черезъ мигъ передняя огласилась громкимъ дружнымъ хохотомъ.

Чубаевъ молча глядѣлъ на товарищей и какъ бы наслаждался общимъ изумленіемъ. Смѣхъ нисколько не смутилъ его.

— Какъ? Ты будешь министромъ народнаго просвѣщенія?—промолвилъ Илимовъ сквозь душившій его смѣхъ.

— Да, буду,—увѣренно отвѣтилъ Чубаевъ и съ этими словами вышелъ изъ передней.

Съ этого вечера Чубаева прозвали министромъ народнаго просвѣщенія, и съ такой кличкой онъ кончилъ гимназію.

— Ты какъ же: прямо въ министры теперь, или удостоишь своимъ присутствіемъ университетъ?—спросилъ у Чубаева Григоровъ въ день выпуска.

— Я ѣду къ отцу,—отвѣтилъ серьезно Чубаевъ:—а что будетъ дальше—увидю.

— Но министромъ все же будешь?

— Я не бросаю словъ на вѣтеръ,—проговорилъ онъ, хмурясь.

Этотъ отвѣтъ опять разсмѣшилъ многихъ.

Но Копановъ замѣтилъ, когда Чубаевъ уже удалился:

— Знаете, господа, вѣдь это правда: онъ не кидаетъ словъ на вѣтеръ. Помните, онъ сказалъ: „я въ одно лѣто выучусь читать англійскія книги“. И сдержалъ слово. А

стенографія. Онъ ее тоже изучилъ, какъ сказалъ. У него есть сила воли.

Съ этимъ почти всё согласились.

Но Григоровъ возразилъ:

— Полноте, всему есть мѣра... Какъ же онъ сдержитъ слово, когда едва ли поступитъ и въ университетъ? Хорощъ министръ народнаго просвѣщенія!

Ему ничего не отвѣтили на это.

На другой день Чубаевъ уѣхалъ къ отцу, жившему близъ станціи желѣзной дороги.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, и никто не слышалъ ничего о Чубаевѣ. Въ университетъ онъ не поступилъ. Какъ-то Григоровъ замѣтилъ шута на одной студенческой пирушкѣ:

— Господа, вѣдь Россіи грозитъ гибель: Чубаевъ не поступилъ въ университетъ, значить, не будетъ министромъ народнаго просвѣщенія. Кто же спасетъ Россію?

— Да, онъ на этотъ разъ бросилъ слово на вѣтеръ,—отвѣтилъ кто-то Григорову.

И всё забыли о Чубаевѣ.

Но мы ошиблись: онъ не бросилъ слова на вѣтеръ, сказавъ, что будетъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Я въ этомъ убѣдился недавно.

II.

Я ѣхалъ къ двоюродному брату. Отъ станціи Лугань я долженъ былъ взять ямщика. Потѣздъ прибылъ раннимъ утромъ, и около станціи не было ни одной подводы. Пришлось ждать.

Я заказалъ себѣ чаю и помѣстился за столикомъ. Заглянувъ случайно въ окно, я увидѣлъ лошадь, запряженную въ широкія простыя сани.

Лакей подаль чай.

— Послушайте,—сказалъ я ему:—сторожъ заявилъ мнѣ, что нѣтъ подводъ. Но вотъ я вижу сани... развѣ это не ямщичьи?

— Это частныя,—отвѣтилъ лакей, посмотрѣвъ въ окно:—Дмитрія Прохоровича Чубаева. За товаромъ, должно, пріѣхали...

— Лавочникъ? А онъ не довезетъ меня? Мнѣ въ Липовички. Можетъ быть, по пути?

— Какъ разъ по дорогѣ... Не знаю, согласится ли...

— А онъ какъ: несговорчивый?

— Сурьезный очень, а обходительный. Онъ не лавочникъ, а изъ благородныхъ... даже, можно сказать, ученый...

Меня вдругъ осянула мысль: „Батюшки, да не нашъ ли это министръ народнаго просвѣщенія? Его звали, кажется, Дмитриемъ... и, сколько помнится, онъ изъ этихъ мѣстъ“.

— А какихъ онъ лѣтъ?—спросилъ я у лакея.

— Какъ вамъ сказать... не молодой... такъ, вашихъ лѣтъ, примѣрно...

— Это онъ,—рѣшилъ я и только-что хотѣлъ задать еще вопросъ лакею, какъ онъ проговорилъ, наклоняясь ко мнѣ:

— А вотъ и самъ Чубаевъ идетъ... отъ кассы-то...

Я взглянулъ по указанному направленію.

Медленными, но увѣренными шагами приближался въ мою сторону согнувшійся чловѣкъ маленькаго роста, одѣтый въ романовскій полушубокъ и въ нансеновскую шапку. Чубаевъ сильно измѣнился, но я узналъ его и пошелъ къ нему навстрѣчу. Когда я назвалъ его по фамиліи и протянулъ ему руку, онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня, но потомъ, тоже узнавъ меня, чуть-чуть улыбнулся и пожалъ крѣпко мою руку, не снимая рукавички.

— Сколько лѣтъ!—сказалъ я:—разстались юношами, а теперь...

— Да, вы засеребрились, а я полусѣлъ,—промолвилъ спокойно Чубаевъ.—Какъ вы попали сюда?—добавилъ онъ.

— Бѣду къ двоюродному брату, но нѣтъ ямщика. Я уви-
дѣлъ вашу лошадь и, еще не зная—чья, хотѣлъ просить...

— А вы куда изволите ѣхать?—перебилъ Чубаевъ.

— Въ Липовички. Мой братъ тамъ докторомъ.

— По пути. Отъ меня восемь верстъ. Такъ Владиміръ Ивановичъ вамъ кузень?

— Вы его знаете?

— Какъ же... хотя онъ всего съ небольшимъ мѣсяцъ здѣсь, но приходилось имѣть дѣло. Дѣльный врачъ... и не болтунъ...

Я вспомнилъ давнишнюю нелюбовь Чубаева къ болтунамъ и невольно улыбнулся. Онъ поймалъ мою улыбку и замѣтилъ:

— Я все тотъ же: не люблю разговоры безъ толку. Надо дѣло дѣлать.

Онъ провелъ рукой по жиденькой бородкѣ и добавилъ:

— Хорошо-съ... я доведу... Вы чай кушаете... Я приду за вами. Я жду агента.

— Позвольте,—сказалъ я:—да присядьте ко мнѣ, вы пейте со мной чаю... Такая неожиданная встрѣча... придется ли еще когда опять...

— Очень можетъ быть, что и нѣтъ,—спокойно согласился Чубаевъ.—Въ наши годы,—хотя мы еще и не старики,—а все же конецъ не за горами, футляры-то поизносились.

Онъ сѣлъ за столикъ противъ меня.

— Вы гдѣ же живете?—спросилъ онъ, снимая рука-
вички.

— Въ Москвѣ.

— Служите?

— Нѣтъ, пишу...

Лакей подаль новый приборъ.

— Скажи, когда конторщикъ придетъ,—произнесъ Чубаевъ и добавилъ, обращаясь ко мнѣ:—это я знаю-съ: ваши книжки въ нашихъ библиотечкахъ есть.

— Послушайте,—сказалъ я:—простите за нескромный вопросъ, но вѣдь мы старые товарищи... Чѣмъ вы занимаетесь?

— А понемножку, по капелькѣ свѣтъ пускаю во тьму.

— Вы учительствуете?

— И нѣтъ, и да... не учитель официально, а учу.

— Попечитель школы?

— Состою... но не одна школа на моемъ попеченіи.

Онъ обмокнулъ сахаръ въ стаканъ и, замѣтивъ:—„зубы плохи уже“—сталъ пить чай.

Полуотвѣты Чубаева не разъяснили мнѣ дѣла, а только еще больше заинтересовали меня. Не надѣясь на откровенность товарища, я рѣшился другимъ путемъ узнать все.

— А гдѣ вы живете—есть школа?

— Въ моемъ же домѣ... У меня два дома. Школа не въ томъ, гдѣ я живу.

— А если я заѣду на минуту къ вамъ?

Я пытливо посмотрѣлъ на него.

Онъ отвѣтилъ не сразу.

— Что же... милости просимъ... мнѣ надо самому въ Липовички...

— Вы женаты?—спросилъ я Чубаева.

— Нѣтъ.

— Развѣ не скучно безъ семьи?

— У меня большая семья, только жены нѣтъ. Не пришлось жениться... встрѣчи такой не было... а только для развода поколѣнія жениться—это не въ моемъ вкусѣ.

Подошелъ лакей.

— Конторщикъ пришелъ, Дмитрій Прохоровичъ.

— А-а! Сейчасъ.

Чубаевъ залпомъ допилъ чай, поднялся и промолвилъ:

— Я скоро, подождите меня здѣсь.

III.

„Товаръ“ Чубаева состоялъ изъ книгъ, разныхъ письменныхъ принадлежностей съ примѣсю „галантереи и мануфактуры“.

— Это вы для себя?—спросилъ я, когда мы уже тронулись въ путь.

— Для моей семьи,—отвѣтилъ Чубаевъ.

Я не сталъ разспрашивать, зная несловоохотливость бывшего товарища.

Маленькая, но крѣпкая лошадка бѣжала быстро по хорошо укатанной дорогѣ, по обѣ стороны которой тянулись поля, упиравшіяся въ стѣну высокаго лѣса. Деревья стояли окутанныя въ бѣлые покровы. Свѣжій, чистый воздухъ успокоительно и бодро дѣйствовалъ на нервы. Мертвая тишина кругомъ умиротворяла душу и дѣлала ей чуждыми волненія, которыя тревожатъ собою въ городѣ съ его сутолокой и непрерывнымъ шумомъ.

Отъ станціи до Немировки—сельца, гдѣ жилъ Чубаевъ—было всего двѣнадцать верстъ. Всю дорогу Чубаевъ хранилъ молчаніе или отдѣлывался такими односложными отвѣтами, что мнѣ показалось неудобнымъ продолжать свои вопросы. У меня даже явилась мысль отправиться къ брату, не заѣзжая къ Чубаеву, и я сказалъ ему:

— Можетъ-быть, я некстати напросился къ вамъ? Скажите прямо, и я поѣду къ брату.

— Пустяки,—отозвался Чубаевъ:—вы мнѣ не помѣшаете. Мы закусимъ и поѣдемъ въ Липовички вмѣстѣ.

Онъ подстегнулъ лошадь.

— Славный конекъ,—похвалилъ я.

— Свой выкормышь. Мы съ нимъ друзья.

— У васъ, конечно, не одна лошадь?

— Шесть. Есть имъ работа. Да и я люблю лошадей. Отъ отца у меня эта склонность: онъ былъ кавалеристъ. А вотъ и наше сельцо,—прибавилъ Чубаевъ.

Передъ нами открылся рядъ домиковъ, за которыми виднѣлась церковная колокольня.

— Много жителей?—спросилъ я.

— Тысяча съ чѣмъ-то.

При вѣздѣ въ сельцо, расположенное по обѣ стороны дороги, намъ попалось нѣсколько крестьянъ. Они поздоровались съ Чубаевымъ, какъ со своимъ добрымъ пріелемъ, называя его просто Прохорычемъ. Нѣкоторые, снимая шапки, широко улыбались.

Мы остановились у двухэтажнаго зеленого домика.

— Вверху или внизу живете?

— Вверху. Внизу читальня и продажа книгъ.

Изъ калитки вышелъ работникъ—молодой парень—и принять лошадь.

— Позови Антипа и вынеси все внизъ,—сказалъ Чубаевъ, выѣзжая изъ саней.

Онъ обернулся ко мнѣ и добавилъ:

— Прошу!

Дворъ былъ небольшой, огороженный постройками. Съ лѣвой стороны тянулся флигель, выходившій подъѣздомъ на улицу и въ надворной стѣнѣ имѣвшій всего два окна. Прямо противъ воротъ расположились сарай, конюшни и погребъ. Узенькая калитка между послѣднимъ и домомъ, стоявшимъ вправо, вела, какъ я узналъ потомъ, въ огородъ.

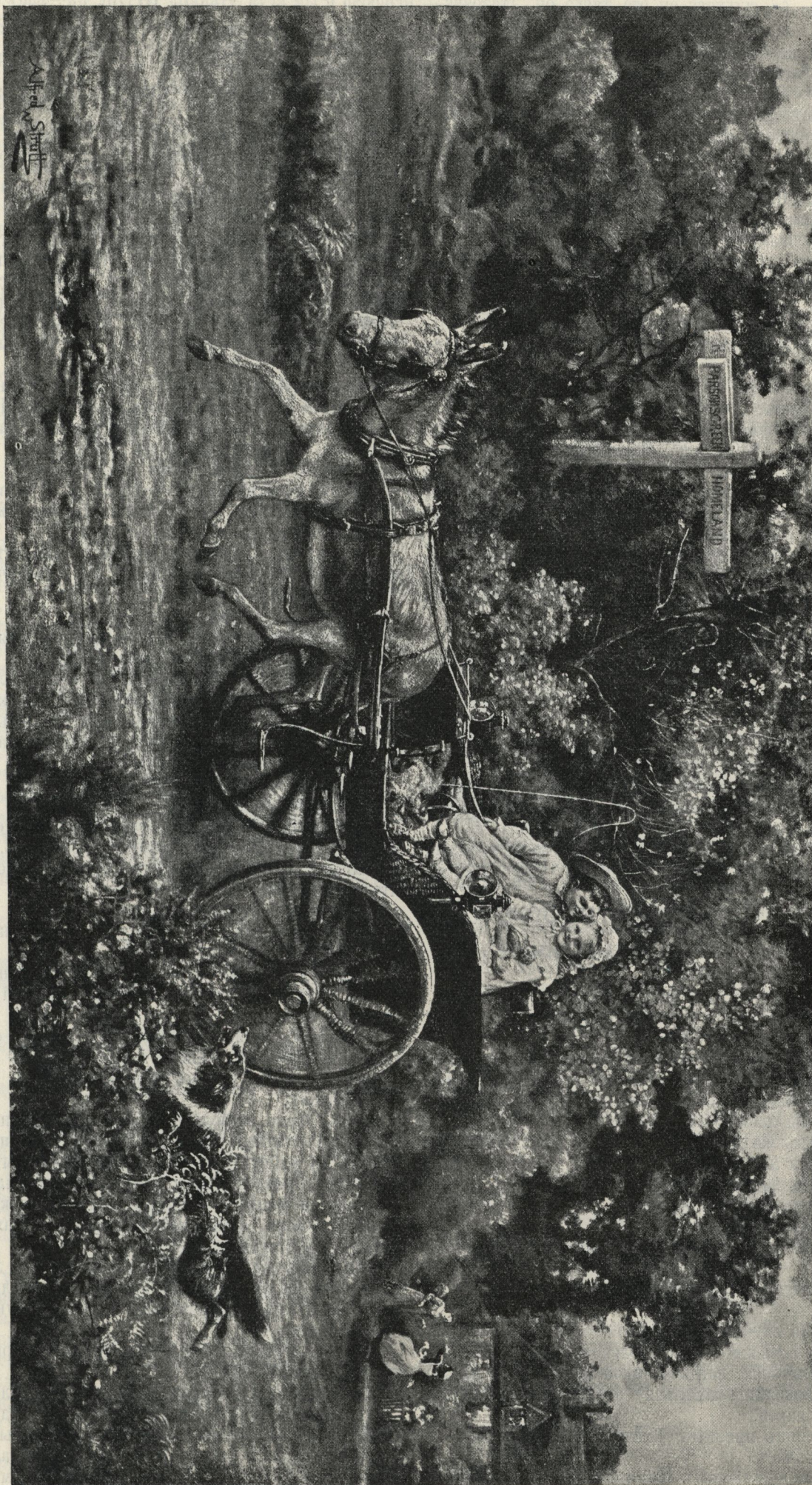
Мы поднялись по узкой и очень крутой лѣстницѣ и очутились на площадкѣ, на которую выходили двѣ двери.

— Вотъ сюда,—промолвилъ Чубаевъ, указывая на лѣвую дверь.

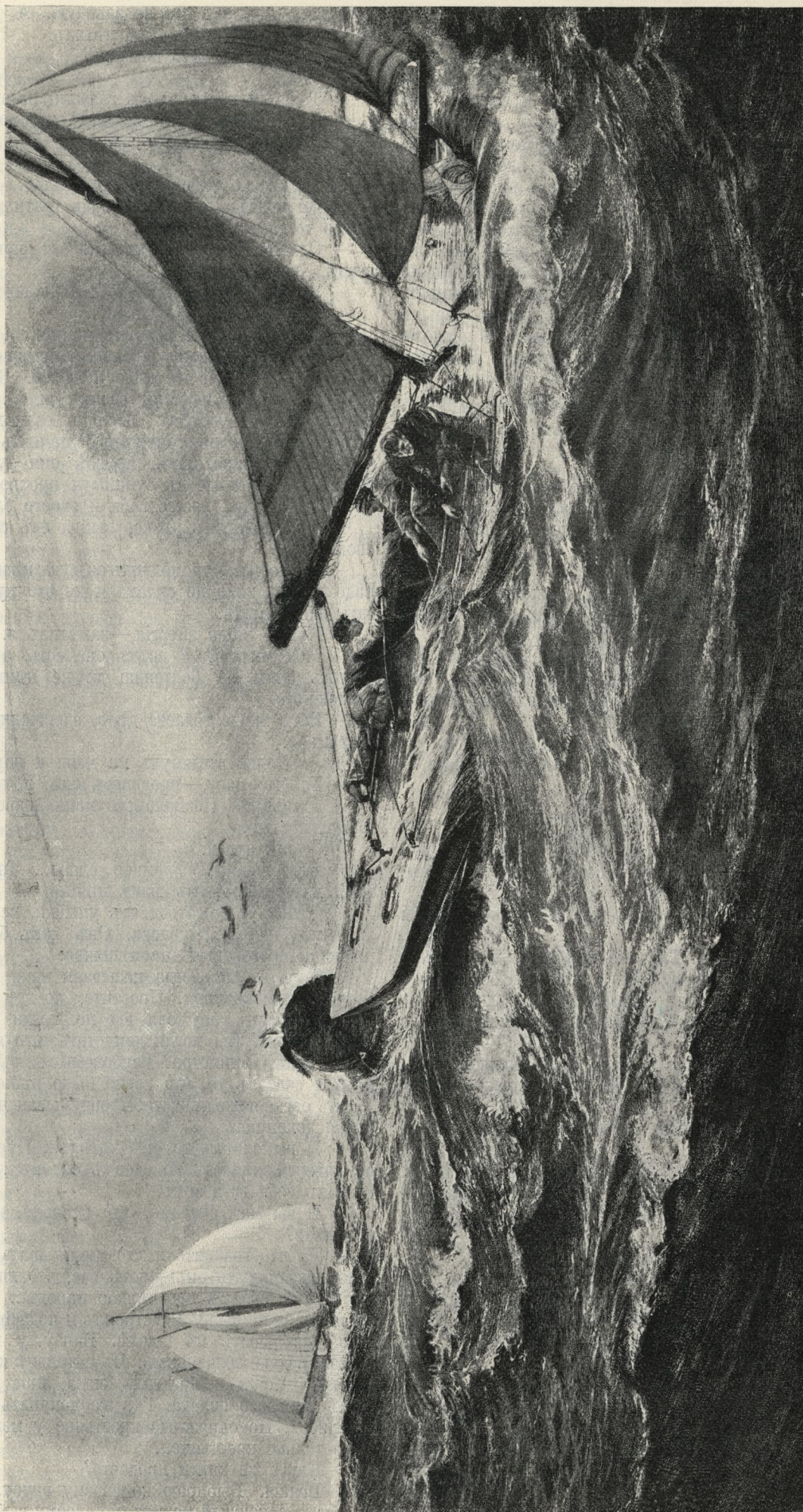
Онъ не сказалъ, куда ведетъ правая дверь; я не рѣшился спросить его.

Мы вошли въ комнату,—передней не было.

Въ комнатѣ стоялъ налѣво шкапъ въ родѣ буфета, у окна обѣденный столъ, на которомъ уже была собрана чайная посуда; у стѣны направо неширокая желѣзная кровать, съ тонкимъ матрацемъ, покрытымъ темнымъ байковымъ одѣяломъ. Дверь по этой сторонѣ вела въ

Наконец один. Картина А. Струта, авт. «Пивы».

На парусахъ. Картина К. Нанье, арт. «Нивы».

кухню, а слѣва—въ другую комнату, куда мы и перешли, снявъ верхнюю одежду.

Вторая комната вся была заставлена шкапами съ книгами. Книги лежали и на стульяхъ, и на диванѣ, въ видѣ треугольника; груды книгъ лежали и на полу. Въ простѣнкѣ между окнами, по правую руку, помѣщался старинный письменный столъ. Онъ былъ также заваленъ книгами и бумагами. Въ переднемъ углу висѣлъ образъ Спасителя, благословляющаго дѣтей. Надъ письменнымъ столомъ, на рѣзной полочкѣ, стояла фотографическая карточка въ простой рамкѣ извѣстнаго дѣятеля Рачинскаго. Въ двухъ простѣнкахъ между окнами, находившимися противъ дверей, висѣли два портрета масляными красками: уже сѣдого, но бодрого старика въ венгеркѣ, съ лицомъ энергичнымъ, съ острымъ взглядомъ сѣрыхъ стальныхъ глазъ, и благообразной старушки въ черномъ платьѣ, въ повойникѣ и съ шалью на плечахъ. Все лицо свѣтилось необыкновенной добротой; въ голубыхъ глазахъ виднѣлась грусть, тихая и мягкая, или, скорѣе, страданіе, жалость.

Я не утерпѣлъ и замѣтилъ:

— Это ваши родители?

— Да, оба покойные. Отецъ умеръ черезъ годъ послѣ окончанія мною гимназіи: я уже засталъ его больнымъ; мать умерла недавно... Вы курите?—вдругъ неожиданно закончилъ Чубаевъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.

— Прекрасно! Куреніе и вредно, и нелѣпо: пустая трата денегъ. Толстой болѣе правъ, чѣмъ пресловутый Рахметовъ.

Въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги. Запумѣлъ самоваръ. Черезъ минуту дверь пріотворилась, и въ нее просунулось широкое скуластое лицо пожилой женщины.

— Все подано,—доложила она.

— Хорошо!.. Прошу!—пригласилъ меня Чубаевъ.

— Вашъ кабинетъ похожъ на кабинетъ ученаго,—сказалъ я, слѣдуя за нимъ.

Онъ ничего не промолвилъ на это.

На большой сковородкѣ была подана яичница. Чай уже заваренъ. На лоткѣ лежалъ хлѣбъ изъ яровой пшеницы, а въ каменной латкѣ—масло. Рядомъ стоялъ глиняный кувшинъ съ молокомъ.

— Хозяйственно живете вы,—замѣтилъ я, кладя себѣ яичницы.

— Просто, но сытно. Такъ понимала жизнь и моя мать. Она говорила: нужно быть сытымъ, чтобы имѣть силы. Роскошь и причуды—баловство и грѣхъ.

— Чудное лицо у вашей матери. И въ глазахъ столько доброты и жалости.

— Она добрая и была. И отецъ былъ хорошій человекъ, но крутой по природѣ. Ей приходилось многое сносить.

И онъ добавилъ, впервые позволивъ себѣ откровенность:

— Мой отецъ изъ крестьянъ. Дослужился до офицера. Но остался простымъ, сѣрымъ русскимъ человекомъ, котораго словами не возьмешь и фразами не подкупишь. Покажи дѣла.

— Вы, значить, въ него?

— Пожалуй. Слава Богу! Если мало полезнаго сдѣлать, то и вреда не принесъ. А вѣдь болтовней сколько мутнѣло на Руси заведено. Кетати, гдѣ теперь Григоровъ?

— Заговорили о болтунахъ и вспомнили его?—съ улыбкой замѣтилъ я.

— Да, онъ типичный болтунъ. Гдѣ онъ?

— Инженеръ. Получаетъ тысячи. Женатъ на богаткѣ.

— А дѣла его?

Насмѣшка послышалась въ тонѣ Чубаева.

— Дѣла не громкія: выгодные подряды и самонажива.

— Въ порядкѣ вещей. И другіе въ этомъ родѣ. Про Илимova не спрашиваю; онъ прогремѣлъ, какъ модный

адвокатъ, но славѣ его не завидую. А вѣдь тоже въ переустроители государства мѣтилъ.

— А Глубоковского помните?

— Это...

— Толстый карапузъ съ глазами на-выкатъ?

— А-а, помню; ну, что же онъ?—промолвилъ Чубаевъ.

— Дамскій врачъ. Въ Сибири... Свои дома...

— Мило!

Чубаевъ сухо засмѣялся и сказалъ:

— Не правда ли, даромъ вѣдь тратили время на болтовню тогда?

— Однако не все такъ. Поповъ погибъ на пропагандѣ,—возразилъ я.

— Это я слышалъ... глупо только погибъ...

— Юность, незнаніе жизни...

Чубаевъ строго посмотрѣлъ на меня.

— А развѣ можно младенцамъ соваться въ воду, не зная броду? Узнай все дѣло и людей. Вѣдь другихъ-то онъ втянулъ? Это незнаніе своихъ силъ... Впрочемъ, онъ все же лучше: честенъ. Вообще, если хотите знать, я скажу вамъ: я не сочувствую нашимъ скороспѣлымъ спасателямъ народнымъ, но все они лучше и честнѣе болтуновъ, которые въ сущности прохвосты: имъ нѣтъ ни до чего дѣла, кромѣ себя и своего благополучія.

Чубаевъ говорилъ рѣзко, выйдя изъ своего обычнаго спокойствія.

— По-моему,—промолвилъ онъ уже нѣсколько иначе:—надо дѣлать дѣло по силамъ и то, что нужно, а не мечтать или болтать.

— Нужна ваша энергія,—замѣтилъ я.

— Моя энергія? У всѣхъ она есть. Надо только не тратить силы на болтовню да не цѣнить себя выше настоящаго.

— Вотъ вы и дѣлаете дѣло, сдержали свое слово,—сказалъ я.

Онъ пытливо взглянулъ на меня и нахмурился.

— То, что могу,—произнесъ онъ, помолчавши.

— А именно? Познакомьте меня подробнѣе съ вашей дѣятельностью.

Онъ усмѣхнулся.

— Дѣятельность! Громкое слово... Точно вы хотите меня интервьюировать, какъ министра.

Я не могъ удержаться отъ улыбки, вспомнивъ гимназическую кличку Чубаева. Онъ какъ бы понялъ мои мысли и проговорилъ насмѣшливо:

— Вотъ вы все тогда называли меня министромъ народнаго просвѣщенія. Простите, но гдѣ же была ваша дальновидность, неужели вы не могли понять смысла моего отвѣта? Вы могли допустить, что я серьезно мечтаю о постѣ министра? Глубокомысленные политики! А вѣдь я сказалъ то, что давно было рѣшено у меня.

Онъ остановился, какъ бы обдумывая что-то, и затѣмъ вѣско дскончилъ:

— И выполнилъ то, что хотѣлъ... Пусть это пустяки, но каждый дѣлаетъ по своимъ силамъ... Я никогда не считалъ себя гигантомъ.

— И вы мнѣ скажете, что сдѣлали, и если можно... покажете?

— Да что говорить и что показывать!—какъ-то сердито воскликнулъ онъ:—вотъ все, что видите, то и есть. Ну да, по силамъ просвѣщаю народъ... Здѣсь школа... до меня ея не было. Я устроилъ и поддерживаю. Библиотека для ребятъ въ школѣ. Внизу у меня читальня, книги продаю желающимъ. Въ читальнѣ книги, журналы, газеты... Когда я пріѣхалъ сюда, при управѣ еще не было книжнаго склада. Гдѣ же покупать книги? Теперь завелись... Но окружные крестьяне у меня берутъ... Да и не только крестьяне...

— Какія же книги продаете?

— Всякія. Выбираю по своему вкусу, полезныя для народа... А каждый можетъ по своему выбору. Закажи—выпишу и дешевле, чѣмъ самъ бы купилъ.

— А если глупую книгу кто спросить?

— Укажу... Согласится — ладно. Нѣтъ, выпишу. Бывали случаи: нарвется, потомъ и слушается меня. Это лучше даже. Впрочемъ, многіе на чтеніяхъ интересуются и просятъ написать.

— На какихъ чтеніяхъ?

— Да вотъ во флигелѣ-то: тамъ чтенія устраиваю... такъ, и съ фонаремъ... Любятъ ихъ всѣ...

— Сами читаете?

— И самъ, и учительница здѣшняя, и о. Максимъ... а всѣхъ лучше дьяконъ читаетъ, прямо знаменитый чтецъ! Вотъ и брата вашего двоюроднаго хочу привлечь, чтобы по мѣдичинѣ и гигиенѣ почиталъ. Я уже заговаривалъ... Согласился... Онъ дѣльный...

И вдругъ, словно разсердившись на себя за излишнюю откровенность, Чубаевъ рѣзко закончилъ:

— Вотъ и все! Кажется, достаточно расписалъ себя. Будетъ! Хотите еще чаю?

— Пожалуйста! Какой у васъ вкусный хлѣбъ... Вообще...

— Это все на отвѣтственности Марьи Степановны... Она завѣдуетъ всѣмъ, я не касаюсь,—перебилъ Чубаевъ, наливая мнѣ чаю.

— Но вѣдь вы ведете и сельское хозяйство?

— Маленькое... А огородъ самъ наблюдаю...

— Зачѣмъ же вамъ шесть лошадей?

Онъ поставилъ стаканъ предо мною и, помолчавъ съ минуту, промолвилъ неохотно:

— У меня въ родѣ офеней заведено... книги по деревнямъ развозятъ... по многимъ уѣздамъ.

Онъ всталъ. Въ эту минуту дверь изъ кухни отворилась, и Марья Степановна доложила о приходѣ мужиковъ.

— Чтѣ имъ?—спросилъ Чубаевъ.

— На счетъ книгъ тамо...

— Развѣ время?

Онъ посмотрѣлъ на карманные часы, произнесъ „рано“, но сейчасъ же добавилъ:

— Отопри низъ!

И, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Желали посмотрѣть... Пожалуйста въ читальню...

Я всталъ и вышелъ за нимъ.

— А здѣсь у васъ тоже книги?—спросилъ я, указывая на дверь въ комнаты, находившіяся по другую сторону площадки.

— Нѣтъ, — коротко отвѣтилъ Чубаевъ и сталъ спускаться по лѣстницѣ.

Въ нижнихъ сѣняхъ стояли три мужика.

— Почему рано?—спросилъ Чубаевъ, здороваясь съ каждымъ за руку.

— Да мимо ѣдемъ... не нарочно же потомъ... а время...

— Чтѣ Илья?

— Да очень доволенъ... Говорить, что теперь мерину куда лучше... ты, братъ Прохорычъ, лучше ветинара самого...

— Развѣ вы лѣчите?—задалъ я вопросъ.

— Понемножку... врачъ близко, а ветеринаръ въ городѣ... Я...

— Онъ у насъ на все: и швецъ, и жнецъ, и въ дуду игрецъ,—засмѣявшись, промолвилъ пожилой мужикъ съ лицомъ Вакулы-кузнеца.

— Мели больше,—оборвалъ его Чубаевъ.

Марья Степановна отперла дверь.

— Ну, идите!

Чубаевъ, а за нимъ и мы всѣ вошли въ большую комнату, посрединѣ которой стоялъ огромный столъ, съ разложенными на немъ газетами и журналами. На стѣнахъ висѣли портреты и олеографіи. Среди нихъ я увидѣлъ портреты о. Іоанна Кронштадтскаго, государей Александра II, Александра III и царствующаго теперь императора Николая II, а также Пушкина, Крылова, Жуковского, Достоевскаго, гр. Алексѣя Толстого и Кольцова.

Вдоль стѣнъ стояли шкапы съ книгами. Они были безъ стеколъ и наглухо заперты.

— Ну, чтѣ нужно? Или опять: „ты лучше знаешь“?

— Извѣстно, лучше, потому что учился и на книгахъ сидишь,—отвѣтилъ мужикъ-Вакула:—а только сегодня, Прохорычъ, мы и сами съ усами: давай по нашему указу!

Мужикъ засмѣялся, довольный своей находчивостью и тѣмъ, что „самъ знаетъ, чтѣ требовать“. Его спутники тоже улыбнулись, а молодой курносый парень громко потянулъ носомъ, какъ бы въ знакъ одобренія.

— Жду указа,—промолвилъ Чубаевъ, глядя на мужика.

— Перво-наперво дай намъ о царѣ Александрѣ Николаичѣ и о волѣ, я ее у Петрухи слыхивалъ, да больно занятно, хочу самъ почитать... затѣмъ книжку о скотинкѣ, какую ты самъ-то сочинилъ. Куплять ее хочу.

— Покупка не здѣсь, на той половинѣ, самъ знаешь, такъ не путай. Еще чтѣ?

— Для сынишки дай съ картинками...

— Для ребятъ нѣтъ у меня. Въ школѣ бери.

— Такъ и не будешь для ребятъ давать? Упрямый же ты, право!

— Не тебѣ меня переупрямить... А вамъ чтѣ? — прибавилъ Чубаевъ, обращаясь къ другимъ.

— Мнѣ бы что-нибудь изъ священнаго, — заявилъ старикъ: — нѣтъ ли про Миколая-угодника чего...

— А мнѣ газетку бы, — съ улыбкой сказалъ парень.

Выдавъ книги и записавъ ихъ въ тетрадь, Чубаевъ наставительно промолвилъ:

— Передавать можете другимъ, но или принесите отъ нихъ записку, или отвѣчайте за книги.

— Знаемъ ужъ, знаемъ, — махнувъ рукой, проговорилъ Вакула:—ты у насъ строгій.

— Порядокъ!

— Это такъ,—согласился старикъ:—безъ этого невозможно, тогда и книгъ не сбережешь... правильно ты говоришь!

Для склада были отведены заднія комнаты, которыя приходились подъ помѣщеніемъ, занимаемымъ самимъ Чубаевымъ. Въ обѣихъ комнатахъ въ образцовомъ порядкѣ лежали кипы книгъ съ ярлычками, на которыхъ были надписи.

Чубаевъ быстро досталъ желтую книжку и, подавая ее мужику, сказалъ:

— Бери... Гривенникъ!

— А на записъ можно?

— Деньги забылъ?

— Не добылъ, братъ, вотъ какъ надо сказать. Добуду—завезу.

— Ладно, запишу.

Чубаевъ досталъ съ полки толстую длинную книгу въ переплетѣ и записалъ продажу въ графѣ кредита.

Мужики простились и вышли.

Чубаевъ положилъ долговую книгу на мѣсто и, обращаясь ко мнѣ, произнесъ:

— Вотъ и все... Хотѣли видѣть, ну, и видѣли... Просто, какъ и надо, и смотрѣть не стоило.

— Какую это вы книжку о скотинѣ написали?

— Да очень простую... Могу дать, если хотите... Не мудреная, но всякому понятно. Да и проверено все. Отцу обязанъ этимъ: онъ и на птицеводство, и на свиноводство, на всякія „водства“ и лѣченія дока былъ... А мать хозяйка была и такіе окорока дѣлала, что въ столицѣ бы похвалили! Я съ дѣтства все и узналъ... самъ потомъ возился. Теперь безъ матери сокращаю.

Принимая книжку отъ Чубаева, я замѣтилъ:

— Отчего вы для дѣтей не держите здѣсь же книгъ?

— Неудобно,—отвѣтилъ онъ:—разные каталоги, при случаѣ недоразумѣнія выйти могутъ. Да и въ школѣ хорошая бібліотека. Со всѣмъ и не справишься...

— У васъ бесплатно?

— Да.

— И вы сами выдаете?

— И самъ, и о. дьяконъ помогаетъ, и мой парень—

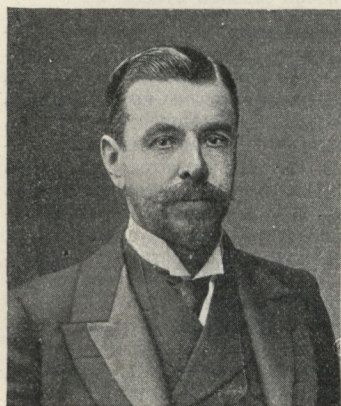
Вечерняя звезда. Картина Фердинанда Максенса, авт. «Нивы».

Председатель совѣта министровъ,
министръ внутреннихъ дѣлъ
П. А. Столыпинъ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ
А. П. Извольскій.

Главноуправляющій землеустрой-
ствомъ и земледѣліемъ
кн. Б. А. Васильчиковъ.

Министръ финансовъ
В. Н. Коковцовъ.
Новый кабинетъ министровъ.

работникъ отлично управляется, если меня нѣтъ и дьякону некогда.

— Денегъ все стоитъ...

— Исподволь создалось все. Помогали мнѣ, и теперь тоже. Гдѣ надо, и поклянчу,—съ улыбкой добавилъ онъ.

Чубаевъ былъ въ простомъ сѣромъ, изъ крестьянскаго сукна, пиджакѣ, въ брюкахъ, забранныхъ въ валенцы. Изъ-подъ пиджака виднѣлась ситцевая рубаша безъ галстука. Я глядѣлъ на него и думалъ: „совсѣмъ крестьянинъ; не зная, не скажешь, что онъ сынъ офицера и кончилъ гимназію“. И лицо крестьянское; умное, но простое, и, только всмотрѣвшись въ глаза, по ихъ взгляду можно понять, что онъ человѣкъ умственного труда, человѣкъ мысли. Но руки опять-таки говорили о томъ, что они не чуждаются грубой физической работы.

Я сказалъ:

— Вы здѣсь совсѣмъ свой человѣкъ. Сжились. И они съ вами.

— Сжился я съ ребячества,—промолвилъ онъ, запирая дверь склада:—я свой, говорите, такъ какъ же иначе: отецъ — офицеръ, но изъ мужиковъ, дѣдъ прямо лапотникъ, такимъ онъ и умеръ. Я, въ раннемъ дѣтствѣ, у дядьки учился, въ гимназію поступилъ случайно. Мать — дочь старшины, но тоже мужика.

— Оттого-то вы такъ и знаете хорошо народъ.

— Какъ и они меня. Они меня и любятъ, но не какъ барина... Въ любви къ барину всегда есть что-то...

— Чужое?

— Такъ, пожалуй. Я же для нихъ свой, только обученный. Надѣнь я мундиръ — и не то уже. Отецъ это понималъ и, пріѣхавъ сюда, не носилъ мундира. Только похоронить себя въ немъ велѣлъ.

Мы уже вошли въ комнату наверху, когда я сказалъ:

— Вѣдь не безъ помѣхъ все же это вамъ далось?

— Чтò вы подъ этимъ подразумѣваете?

Самоваръ не былъ убранъ, и Чубаевъ предложилъ еще выпить чаю.

— Можно и подогрѣть, если простылъ.

Я не отказался. Онъ велѣлъ Марьѣ Степановнѣ прибавить горячихъ угольевъ и снова повторилъ:

— Какія помѣхи вы имѣете въ виду?

— Становой да духовенство.

— Все это пустяки,—отвѣтилъ онъ, садясь у стола.— Я свой человѣкъ. И противъ рожна не прущу. Чтò надо — соблюдаю. А на поповъ много врутъ. Конечно, есть и сутяги, и корыстные, и всякіе, но вѣдь и среди насъ такіе есть, чтò же говорить! Кто меня будетъ трогать? Я основъ не потрясаю, потому что, прежде всего, это глупо: надо дать каждому вырасти, а не ставить его на стулъ и кричать: „какой ты большой!“

— Вы находитесь въ удобныхъ условіяхъ.

— Э, полноте,—съ досадой перебилъ Чубаевъ, заваривая новый чай:—всѣ могутъ создать такіе условія: пусть чужимъ труднѣе, а можно. Не говори глупостей да работай не языкомъ только и — главное — не лги. Случается, что ложь и за правду примутъ, но когда раскусятъ это — обманщику плохо... деревня груба и жестока въ такихъ случаяхъ. Болтуны моря не зажгутъ, а шуму надѣлаютъ, ну, и пропадаетъ все, и сами часто... кто виной?

Онъ махнулъ рукой и добавилъ:

— Господи! и разболтался я... самъ въ болтуны попалъ; правду сказано: чѣмъ похвалишься, тѣмъ и подавишься... Будетъ... Еще хотите чаю?

— Спасибо, довольно.

— Тогда ѣдемъ.

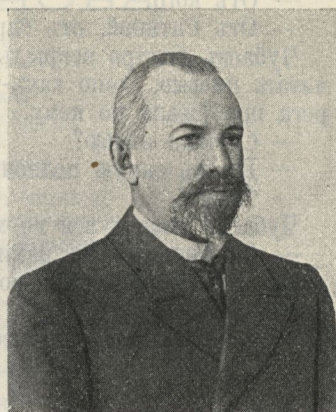
Онъ всталъ.

Въ дверь раздался стукъ.

— Отворяйте, не заперто! — крикнулъ Чубаевъ.

Въ комнату вошелъ мужикъ въ нагольномъ тулупѣ, подпоясанный пестрымъ кушакомъ, за которымъ торчалъ кнутъ.

Мужикъ досталъ письмо и подаль его Чубаеву.

Министръ юстиціи
И. Г. Щегловъ.

Министръ народнаго просвѣщенія
П. М. фонъ-Кауфманъ.

Министръ торговли и промышлен-
ности Д. А. Философовъ.

Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго
Синода П. П. Извольскій.
Новый кабинетъ министровъ.

— Отъ кого?

— Отъ Сатиной, отъ барыни.

Чубаевъ быстро вскрылъ конвертъ. Когда онъ началъ читать письмо, лицо какъ-то потемнѣло, и даже судорога пробѣжала по нему.

— Сегодня ночью?

— Да, въ самую полночь.

— Ёдемъ!

Чубаевъ повернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Не придется съ вами... Мой пріятель заболѣлъ... ударъ... Побѣжайте съ моимъ работникомъ... Вы на долго къ брату?

— Дней на пять, на шесть.

— Ну, можетъ-быть, еще пріѣду къ нему при васъ... А то заверните ко мнѣ на обратномъ...

Онъ сталъ одѣваться.

Черезъ нѣсколько минутъ мы разѣхались въ разныя стороны.

Уже спустя нѣкоторое время я спохватился и сказалъ работнику:

— Застану ли я врача въ Липовичкахъ? Если пріятель Дмитрія Прохоровича заболѣлъ, вѣроятно, докторъ тамъ.

— Нѣту,—отвѣтилъ работникъ:—это въ сторону верстъ двадцать, имъ ближе къ станціи, гдѣ желѣзнодорожный живетъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

К. М. Фофановъ.

(По поводу 25-лѣтія поэтической дѣятельности).

(Съ портр. на этой стр.).

8-го іюля исполнилось двадцатипятилѣтіе литературной дѣятельности самаго выдающагося современнаго поэта, Константина Михайловича Фофанова.

К. М. Фофановъ.

Любителямъ и знатокамъ поэзіи это имя говоритъ многое. К. М. Фофановъ въ теченіе своей долготѣлней писательской карьеры всегда былъ на виду, много писалъ и печаталъ и пользовался неизмѣнной любовью своихъ читателей. Безъ стихотвореній Константина Фофанова рѣдко обходился и обходится любой изъ современныхъ журналовъ.

К. М. Фофановъ—представитель такъ-называемой «чистой поэзіи». Онъ—поэтъ по преимуществу, и даже болѣе: поэтъ исключительно; на прозу онъ не посягалъ ни разу, и вся литературная дѣятельность его прошла неизмѣнно въ «звукахъ сладкихъ и молитвахъ». Въ этомъ отношеніи К. М. Фофановъ удивительно цѣлостенъ и оригиналенъ.

Внѣшняя біографія его не сложна. Поэтъ родился 18 мая 1862 года. Дѣдъ и отецъ его были крестьяне Олонецкой губерніи; отецъ торговалъ дровами и позднѣе записался въ петербургскія купцы. Такимъ образомъ К. М. Фофановъ вышелъ непосредственно изъ народа.

Образованіе онъ получилъ не систематическое и только нѣкоторое время учился въ частныхъ пансіонахъ. Въ этомъ отношеніи К. М. Фофановъ какъ бы поддержалъ традицію большинства русскихъ писателей и поэтовъ, начиная съ Лермонтова и кончая гр. Л. Н. Толстымъ, которые, какъ извѣстно, «курса не кончили».

Зато что касается поэзіи, то въ ней К. М. Фофановъ не только «прошелъ блестяще весь курсъ», но и началъ заниматься «наукою писанія стиховъ» («ars poetica») очень рано: стихи стали складываться въ его головѣ еще въ эпоху его дѣтства; семи-восьми лѣтъ онъ уже сталъ подбирать рѣзны. А въ 1881 году его стихи появились и въ печати.

Въ упомянутомъ году К. М. Фофановъ помѣстилъ въ журналѣ «Русскій Еврей» стихотвореніе «Изъ библейскихъ мотивовъ». Это и было первое печатное произведеніе поэта. Съ этого времени и началась его литературная карьера.

Выступленіе К. М. Фофанова въ рядахъ русскихъ писателей было замѣчено и тепло привѣтствовано Надсономъ и Арсеньевымъ. Вообще К. М. удалось легко завоевать себѣ извѣстное имя, въ особенности, когда онъ выпустилъ въ свѣтъ первый сборникъ своихъ стихотвореній («Стихотворенія»—1887 г.). Позднѣе появился еще томъ «Стихотвореній»—въ 1889 г., а затѣмъ К. М. Фофановъ сталъ выпускать сборникъ за сборникомъ, неутомимо работая на поэтическомъ поприщѣ и изумляя своей плодовитостью. До послѣдняго времени насчитываются слѣдующія книги К. М. Фофанова (кромѣ упомянутыхъ): «Тѣни и тайны» (1891), «Стихотворенія» (1896) въ 5 небольшихъ частяхъ подъ особыми заглавіями: «Маленькія поэмы», «Этюды въ рѣзкахъ», «Майскій шумъ», «Снѣгурка», «Монологи». Наконецъ въ 1900 г. вышелъ еще сборникъ его стихотвореній «Иллюзіи».

Но кромѣ того перу К. М. принадлежитъ очень много отдѣльныхъ стихотвореній, разбросанныхъ по всевозможнымъ журналамъ. Въ нашей «Нивѣ» К. М. Фофановъ участвовалъ своимъ поэтическимъ трудомъ очень часто, участвуетъ и нынѣ, являясь истиннымъ «поэтомъ Божіей милостью». Его творчество не носитъ на себѣ ни малѣйшаго слѣда вымысленности, вымученности, тенденціозности. Онъ не придумываетъ заранее сюжетовъ, не ищетъ темъ, — онъ самъ идетъ къ нему. Онъ пишетъ стихи, какъ поетъ птица: поэтическая работа является у него какъ бы безсознательнымъ творчествомъ. Нерѣдко стихотворенія его обуславливаются даже не содержаниемъ, а музыкальными особенностями того размѣра, который внезапно прельстилъ его. Поэтому всѣ его стихотворенія необычайно гармоничны и музыкальны.

Содержаніе его стихотвореній неистощимо разнообразно. Оставаясь почти всегда въ области чувства, въ сферѣ такъ называемой «чистой поэзіи», не затрагивая никакихъ мѣстныхъ, бытовыхъ, историческихъ чертъ, поэтъ уносится на крыльяхъ своей фантазіи въ область чистой красоты, въ далекіе фантастическіе края, которыми онъ хотя и даетъ иной разъ опредѣленія (за море, въ Японію, Палестину, Скандинавію и такъ далѣе), но рисуетъ ихъ такими дымчатыми контурами, что географическіе термины совершенно исчезаютъ за дымкой поэтического вымысла, не желающаго связывать себя никакими условіями времени, мѣста и обстановки. Характерно то, что, будучи чисто русскимъ человѣкомъ, К. М. Фофановъ не вложилъ ни въ одно изъ своихъ стихотвореній ничего специфически-русскаго, національнаго. Это поистинѣ поэтъ внѣ времени, пространства и націй.

«И теперь, въ эти дни многотрудные,

Въ эти темныя ночи ненастные,

Отдаю я вамъ, звѣзды прекрасныя,

Ваши сказки задумчиво-чудныя»—

эти стихи, служащіе эпиграфомъ къ первому сборнику стихотвореній К. М. Фофанова, могутъ служить эпиграфомъ ко всей его изящной, свѣтлой, необычайно стильной поэзіи.

Послѣднее время съ его крупными событіями, съ его колоссальной переоцѣнкой всѣхъ прежнихъ цѣнностей, правда, захватило и К. М. Фофанова. Въ своихъ «Монологгахъ» онъ не разъ касается теперь живыхъ струнъ современности; но для каждаго чувствующаго и понимающаго поэзію человѣка ясно, что эти струны не сродни поэту. Онъ не свободенъ въ нихъ, не поетъ какъ птица, но связанъ несвойственными ему узами тенденціозности.

Стихи К. М. Фофанова переведены на нѣмцкій языкъ извѣстнымъ поэтомъ-переводчикомъ Ф. Ф. Фидлеромъ и пользуются заслуженнымъ успѣхомъ за границей.

СТИХОТВОРЕНИЯ К. М. ФОФАНОВА.

I.

Поэтъ и Муза.

МУЗА.

Весна въ твоёмъ саду. Зеленою травой
Поляна вновь оживлена;
За уткою бѣгутъ веселою толпою
Утята юные, какъ первая весна.
Расцвѣтъ вишневый кустъ, и желтый одуванчикъ
Глядитъ, какъ солнце изъ травы,
И ландышъ молодой склоненный свой стаканчикъ
Елеемъ напоилъ для пчелъ...

ПОЭТЪ.

Молчи! Увы,

Я раненъ тяжело и раненъ той любовью,
Которая была мнѣ жизнью и весной.
Былое предано позору и злословью
Подругой жизни молодой—
Когда во цвѣтъ лѣтъ, въ доверчивой надеждѣ
Я чувствовалъ восторгъ и радости весны,—
Я пѣлъ тогда весну, какъ пѣлъ любовь я прежде,
Какъ пѣлъ заоблачные сны!
Нѣтъ, больше не спою я праху и невѣждѣ
И перерву аккордъ рыдающей струны.

МУЗА.

Но я еще съ тобой. Я робкая, какъ дѣва,
Какъ дочь невинная сѣдого палача;
Прислушайся ко мнѣ безъ трепета и гнѣва.
При звукахъ новаго напѣва,
Пусть отживаетъ то, что сердце пережило,
Пусть умираетъ то, что правду умертвило,
Но ты еще живешь, ты хочешь жить еще;
Ты ропщешь, сѣтуешь,—и помни, что въ печали
Еще ты любишь горячо.

ПОЭТЪ.

Да, мы еще не замолчали!
Но дай отраду прежнихъ сновъ,
Очарованіе земное,
То неподкупное святое,
Что ищетъ пѣсень, проситъ словъ.

II.

Цѣпи.

Пройдутъ года, пройдутъ народы,
Но не пройдетъ одна любовь,—
Въ хаосъ гибнущей природы
Она живой воскреснетъ вновь.

Я какъ-то видѣлъ сонъ печальный
На мнѣ бряцали кандалы,
А надо мной въ лазури дальней
Кричали дикіе орлы.

Я изнывалъ отъ тяжелой жажды
И, полнъ мучительной тоски,
Безильно падалъ не однажды
На раскаленные пески.

Но торопилъ мой шагъ тяжелый
Мѣдносверкающій конвой...
А день горячій и веселый
Дышалъ ужъ близкою грозой!

И вотъ огонь блеснулъ за тучей,
Загромыхалъ протяжно громъ,
Песокъ завихрился сыпучій,
И полилъ свѣтлый дождь ручьемъ.

Пахнуло влагой благодатной
На утомленное лицо;
Пронесся вѣтеръ ароматный,
Сверкнуло радуги кольцо.

Не знаю—тучи шли откуда.
Но, лишь промчалася гроза,—
Свершилось радостное чудо,
И жизнью вспыхнули глаза;

Замолкъ послѣдній рокотъ стона,
И цѣпи ржавыя въ пыли,
Какъ жезлъ священный Аарона,
Гирляндой пышной расцвѣли!

III.

На зарѣ.

Все пѣло, ликовало,
Смѣялось и свѣтило;

Мечта моя играла,
И весело мнѣ было.

Подъ тощею осокой
У трепетной рѣчонки
Русалки блѣлокой
Мнѣ хлопали ручки.

Въ лѣсу мнѣ сонъ являлся,—
Дриадъ грозился пальчикъ,
И въ ландышъ превращался
Оброненный бокальчикъ.

Я слышалъ звонъ и шелестъ
Въ травѣ, въ цвѣтахъ знакомыхъ;
Дышалъ мнѣ хрупкій верескъ
Трудами насѣкомыхъ.

И много околесилъ
Невыразимой были
Мнѣ ткалъ волшебный мѣсяцъ
Въ своей лучистой пыли.

И синія стрекозы,
Какъ будто бы жаръ-птицы,
Качались въ чашъ грезы
На усикахъ пшеницы.

И ты, родная, прежде
Была вѣдь не такая,—
Въ лазоревой одеждѣ,
Какъ фея неземная!

И все тогда играло,
Все пѣло, все свѣтило,—
Зачѣмъ того не стало,
Что прежде въ сердцѣ было?

IV.

Стансы.

(Посвящается Мих. Сем. Веревкину).

Въ нашей жизни горькой, жизни повседневной,
Гдѣ все такъ ничтожно, бѣдно и убого,—
Сладко слышать голосъ родственно-душевный,
Встрѣтить взоръ участія, ласки хоть немного.

Въ душевной ли каморкѣ тѣснаго подвала,
Въ казематѣ-ль темномъ за стѣной тюремной,—
Нашъ участіе грѣетъ солнцемъ идеала,
Утренней зарею, сказкою волшебной.

Въ звучныхъ коридорахъ сумрачной больницы,
Гдѣ вода изъ крановъ падаетъ въ бассейны,
Гдѣ уныло бродятъ восковыя лица,
И, какъ смерть, мгновенія жизни—тиховѣйны.

Гдѣ кануномъ смерти жадно все объято,
Гдѣ тяжелый кашель слышится въ кровати,—
Намъ участіе встрѣтить дорого и свято.
Въ сестрахъ милосердья, въ милосердномъ братѣ!

Дайте же, о люди, меньше намъ гоненья,
Меньше дайте злости, зависти и горя!
Больше дайте свѣта, ласки и утѣшенья!—
И дадутъ вамъ благо, на добро вамъ вторя.

V.

Зимой.

Тишина. Снѣга въ долинѣ.
Мѣсяцъ въ мирной половинѣ
Наклонился надъ землей.
Рѣдкихъ звѣздъ сверкаютъ глазки,
И хрустальныя, какъ въ сказкѣ,
Деревя свои подвязки
Опустили съ бахромой.

Въ блѣдоснѣжной зимней ночи
Неподвижность видать очи
Да луны полукольцо.
Прохожу нѣмую степь я,—
Все полно великолѣпья,
И алмазные отрѣпы
Съ вѣтокъ падаютъ въ лицо.

Все въ беззвучномъ бредѣ дремлетъ.
Сердце спитъ; оно не внемлетъ
Полумертвой тишинѣ.
Дремлетъ разумъ молчаливо,
Но природа боязливо
Притаилась—и ревниво
О забвеньи шепчетъ мнѣ.

Сила роста гриба.

Очерк М. Орлова.

(Съ тремя рисунками).

Процесс роста растительного вещества сопровождается развитием весьма значительной механической силы. В самом деле, напр., корень растения должен поднимать и проталкивать соки, которыми питаются все надземные ткани растения, до самой его вершины, а ведь она сплошь и рядом отстоит от корня на очень большом расстоянии. Мы не будем говорить подробно о том, какие именно силы тут участвуют, скажем только о их величине, напряжении.

Дѣлали прямые опыты, съ цѣлью опредѣлить то давление, съ которым соки продавливаются снизу, отъ корня, вверхъ, въ ткани растенія. Для этого дѣлали срѣзы сильно растущаго молодого ствола, напр., у виноградной лозы, и на срѣзъ ставили манометръ, т.-е. стеклянную двухколѣнную трубку со ртутью; давление сока на столбъ ртути выражалось при этомъ разницею уровней ртути въ обоихъ колѣнахъ трубки. И опыты показали, что эта разница можетъ доходить до 760 миллиметровъ, т.-е. какъ разъ до полного атмосфернаго давления. Значитъ, сила давления корня равняется давлению одной атмосферы; другими словами, корень своимъ давлениемъ можетъ проталкивать жидкость на высоту 34 футовъ.

Хорошимъ примѣромъ этой силы растенія могутъ служить наблюдавшіеся случаи съ грибами, которые проросли сквозь слой асфальта, покрывавшаго то мѣсто, гдѣ проросли ихъ споры. Высчитали, какое сопротивление грибъ долженъ былъ преодолѣть, чтобы прободать этотъ пластъ твердой смолы, и оказалось, что это сопротивление приравнивается грузу въ 10 килограммовъ.

Какимъ образомъ мягкій грибъ, вещество, которое можно растереть между пальцами, можетъ одолѣвать такое сопротивление? Почему твердый асфальтъ выказываетъ такую податливость передъ давлениемъ этой мягкой массы, которой онъ, казалось бы, такъ легко могъ сопротивляться? Объясненіе этого явленія надо, быть-можетъ, искать въ томъ, что наблюдается въ альпійскихъ ледникахъ. Вѣдь и тамъ мы видимъ массу твердую, плотную, грузную,

повидимому, неподатливую — ледъ. А между тѣмъ эта масса оказывается почти текучею, она движется и уподобляется вязкимъ веществамъ въ родѣ патоки, тѣста, меда, смолы. То же свойство, надо думать, проявляетъ и асфальтъ.

Нѣмецкій физикъ Гедике недавно далъ очень наглядное объясненіе этого случая съ грибомъ, проросшимъ сквозь асфальтовый пластъ. Онъ осуществилъ такого рода опытъ. Онъ взялъ большую пробку, такую, какой обычно закупориваютъ винныя бутылки, и положилъ ее на дно большого стакана, а затѣмъ покрылъ ее кусками сапожнаго вара, величиною съ орѣхъ (рис. 1). Куски смолы онъ накладывалъ свободно, рыхло, не надавливая. Сосудъ, такимъ образомъ снаряженный, онъ оставилъ спокойно стоять, наблюдая день изо дня, что будетъ въ немъ происходить. И вотъ что произошло. По прошествіи нѣсколькихъ дней стало видно, что куски вара слипаются между собою, спадаются и обнаруживаютъ явную склонность слиться въ сплошную массу. Еще черезъ нѣкоторое время это предположеніе и оправдалось: все куски слиплись, спались, слились,

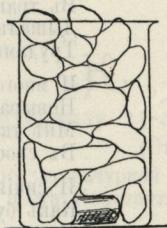

Рис. 1.

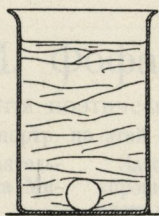

Рис. 2.

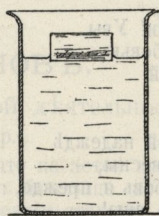
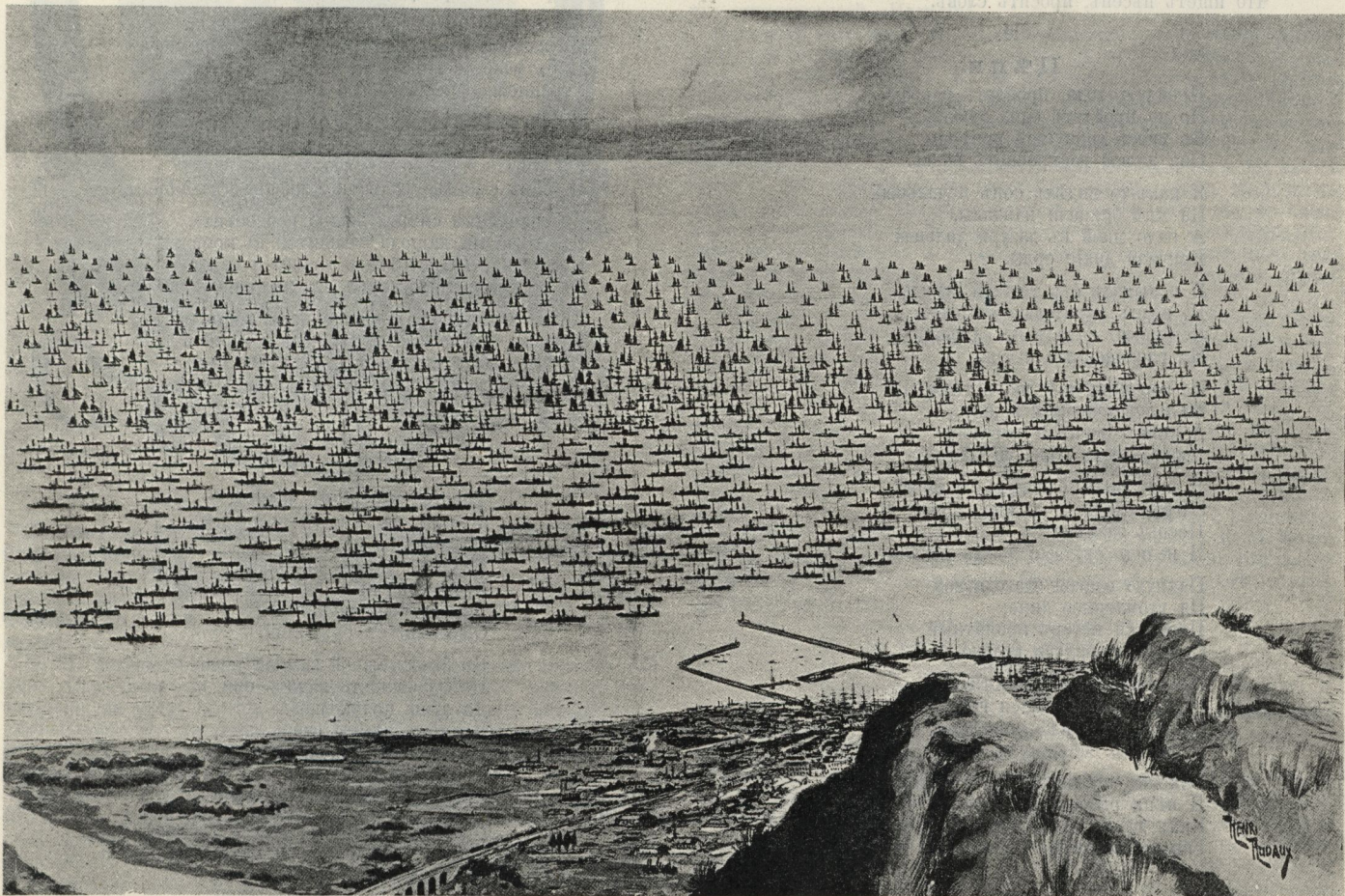

Рис. 3.

стаканъ оказался наполненнымъ сплошною и однородною массою вара, словно его туда налили въ расплавленномъ видѣ (рис. 2). Дно стакана, какъ это было видно при разсматриваніи снизу, все сплошь покрылось ровнымъ слоемъ вара, и сквозь него виднѣлись лишь мѣстами части поверхности пробки: варъ залилъ ее и за-лѣпилъ, окружилъ со всѣхъ сторонъ. Прошло еще нѣсколько времени, и пробка вовсе не стало видно, она вся цѣликомъ исчезла. Спустя еще нѣсколько дней, вдругъ на выровнявшейся верхней поверхности смолы начало что-то выпячиваться все болѣе и болѣе. Это была пробка! Она поднималась сквозь эту почти твердую смолу, какъ сквозь жидкость, и постепенно пронизала ее всю, всплыла, такъ сказать, на ея поверхность и легла на ней, занявъ надъ нею положеніе, соответствующее разницѣ удѣльнаго вѣса, какъ это наблюдается всегда и на всякомъ плавающемъ предметѣ (рис. 3).

Такъ происходитъ и въ случаяхъ, подобныхъ проростанію гриба сквозь толщу асфальта. Тутъ дѣйствуетъ не натискъ, въ родѣ удара

Флотъ, ежегодно поглощаемый моремъ.

По свѣдѣніямъ статистическаго бюро „Veritas“, въ минувшемъ 1905 году погибло въ морѣ 389 пароходовъ и 649 парусныхъ судовъ, въ общемъ 1.038 жертвъ моря. Такимъ образомъ на каждый день приходится приблизительно по 3 судна, поглощаемыхъ грозной морской стихіей.

лома о камень, а медленное давление, под влиянием которого на вид твердая, в сущности же вязкая и податливая масса асфальта мало-по-малу уступает, мнется, гнется и в концѣ концов уступает дорогу грибу.

Асфальтъ, безъ сомнѣнія, мягче свинца, а между тѣмъ известны случаи, когда и свинецъ не выдерживаетъ напора не только гриба, но даже воды. Объ этомъ, можно полагать, нашлось бы поразсказать кое-что любопытное у каждого опытного водопроводчика. Гедике, напр., передаетъ такой случай. Въ новомъ домѣ черезъ мѣру экономный хозяинъ, устраивая водопроводъ, вмѣсто водопроводныхъ свинцовыхъ трубъ, положилъ газовыя, съ тонкими стѣнками. Вода въ томъ мѣстѣ впускается въ водопроводную стѣю подъ давлениемъ шести атмосферъ. Тонкія свинцовыя трубы нѣкоторое время очень добросовѣстно несли свою службу, не лопались. Однако служба ихъ была не долга. Въ нихъ стала обнаруживаться течь; сначала думали, что вода просачивается черезъ случайно

попавшіяся слабыя мѣста въ трубкахъ, какіе-нибудь свищи, щербинки, зарубки. Но чѣмъ дальше, тѣмъ этихъ слабыхъ мѣстъ обозначалось все больше и больше, и скоро стало ясно, что тутъ со свинцомъ творится то же, что со льдомъ въ глетчерахъ: онъ не выдерживаетъ продолжительнаго, постояннаго напора непрерывно дѣйствующей въ одномъ направленіи силы и подается, уступаетъ этой силѣ.

Сдѣлание между частицами тѣла можетъ быть нарушено сразу, мгновенно, или медленно, постепенно; все зависитъ отъ силы, дѣйствующей на массу тѣла: если она рѣшительно превышаетъ энергію сдѣлания, она его сразу нарушитъ, если же она слабѣе сдѣлания, то оно будетъ выдерживать ее натискъ часы, дни, мѣсяцы, годы, но, вѣроятно, все-таки уступить ей въ концѣ концовъ. Только при медленномъ дѣйствіи очень трудно учесть эффекты силы и сопротивленія, потому что въ дѣло входятъ другіе факторы, напр., атмосферныя дѣтели—влага, вѣтеръ, смѣна температуръ, окисленіе и т. д.

Покушеніе на П. А. Столыпина.

(Съ 9 рис. на стр. 541, 542, 543 и 544).

12 августа въ Петербургѣ произошло ужасное, изъ ряда вонъ выходящее преступленіе. Была взорвана дача премьеръ-министра П. А. Столыпина, находившаяся на Аптекарскомъ островѣ, и во время этого взрыва пострадало свыше 60 лицъ разнаго возраста и общественнаго положенія. Болѣе половины изъ нихъ умерли на мѣстѣ въ моментъ злодѣянія, другіе же получили болѣе или менѣе тяж-

кія раны и увѣчья. Самъ П. А. Столыпинъ, бывшій исключительной цѣлью преступленія, остался цѣль и невредимъ, но зато жестоко пострадало двое его дѣтей: сынъ, мальчикъ 2-хъ лѣтъ, и дочь, дѣвушка 15 лѣтъ. И тотъ и другая получили тяжелыя увѣчья.

Ужасомъ вѣсть отъ всѣхъ подробностей этого исключительнаго по своей жестокости и варварству преступленія.

По разсказамъ очевидцевъ, взрывъ произошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

12-го августа у предсѣдателя Совѣта Министровъ на его дачѣ происходилъ обычный пріемъ просителей и должностныхъ лицъ. Наплывъ лицъ, желавшихъ представиться премьеру, былъ въ этотъ день очень большой: въ приемныхъ комнатахъ собралось свыше 60 лицъ. Около 3-хъ часовъ пополуудни запись посѣтителей была прекращена, и начался пріемъ.

Нужно замѣтить, что дача министра внутреннихъ дѣлъ представляла собою двухэтажное деревянное строеніе, выходящее фасадомъ на Большую Невку близъ пароходной пристани у Ботаническаго сада. Въ нижнемъ этажѣ, налѣво отъ вестибюля, находились служебныя помѣщенія: комната секретаря, приемная и кабинетъ министра, выходящій окнами въ садъ. Остальную часть дачи занимала семья министра.

Въ описываемое время, т. е. около 3-хъ часовъ, П. А. Столыпинъ находился въ своемъ кабинетѣ, гдѣ принималъ посѣтителей. Семья министра находилась въ это время наверху, у себя. Дѣти П. А. Столыпина вмѣстѣ съ няней сидѣли на балконѣ, какъ разъ надъ швейцарской.

Въ три часа 15 минутъ (по другимъ даннымъ—нѣсколько ранѣе) къ дачѣ подъѣхало шикарное ландо, въ которомъ сидѣло три чело-

вѣтскихъ. Офицеры вышли изъ ландо и направились въ швейцарскую. Ландо осталось ждать у подъѣзда.

Вскорѣ раздался ужасный взрывъ. Надъ министерской дачей взвился высокій столбъ желтоватаго дыма. Пристань финляндскаго пароходства сильно качнулась въ сторону—и вслѣдъ затѣмъ на нее, на все окружающее посыпался градъ камней, извести, битаго

стекла, обломковъ, щепотъ и ключевъ одежды и мебели. Дымъ окуталъ все мѣсто, гдѣ была дача, и на всемъ этомъ пространствѣ стоялъ невообразимый, неслыханный стонъ...

У подъѣзда, въ грудѣ обломковъ металась раненная лошадь ландо. Самое ландо было разбито, и внутри его виднѣлось окровавленное пальто и ключья мяса. Страшный взрывъ разнесъ въ ключья и въдребезги всю среднюю часть нижняго этажа дачи со всѣми, кто тамъ находился. Разрушена швейцарская и смежная съ ней пріемная. Въ швейцарской погибли всѣ, въ пріемной почти всѣ.

Пострадали и верхнія помѣщенія дачи. Балконъ, на которомъ сидѣли дѣти П. А. Столыпина, провалился вмѣстѣ съ ними внизъ, въ разрушенную швейцарскую. Провалилась и гостиная. Взрывомъ было разрушено почти все домашнее имущество министра: мебель, платье, утварь и т. п.

Въ первыя мгновенія всѣ, кто остался въ живыхъ, потеряли голову. Помощь явилась поздне. Прибѣжали солдаты изъ ближайшихъ казармъ, пріѣхали пожарные, прибыла медицинская помощь. Начались раскопки, уборка труповъ и подача помощи раненымъ. На дворѣ одного изъ сосѣднихъ домовъ на скорую руку устроили нѣчто въ родѣ перевязочнаго пункта.

Дѣтей П. А. Столыпина отправили въ частную лѣчебницу д-ра Кальмейера (на углу Каменноостровскаго пр. и Архіерейской улицы); другіе пострадавшіе, а также и трупы были перевезены въ Петропавловскую больницу.

П. А. Столыпинъ не получилъ никакихъ поврежденій и до вечера оставался на ногахъ, распоряжаясь на мѣстѣ взрыва.

Сила разрушительнаго снаряда была ужасна. Швейцарская и

Предсѣдатель Совѣта Министровъ, министр внутреннихъ дѣлъ П. А. Столыпинъ; съ супругой О. Б. Столыпиной.

Къ покушенію на П. А. Столыпина. По фот. К. Булла, авт. «Нивы».

Остатки уцѣлѣвшей мебели въ саду дачи министра.

Разрушенное взрывомъ ландо, въ которомъ пріѣхали преступники.

Разрушенный взрывомъ нижній этажъ и еле держащіяся на скрѣпленіяхъ части верхняго этажа дачи министра.

Разрушенная взрывомъ приѣмная министра.

Обрушившіеся верхній и нижній этажи — въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась швейцарская — мѣсто разрыва бомбы.

Общій видъ разрушенной дачи министра — съ фасада.

Кабинетъ министра.

приемная разнесены буквально въ дребезги. Мебель, двери, окна превращены въ пыль и мусоръ. Въ этотъ мусоръ и упали сверху, вмѣстѣ съ балками и настилкой потолка, дѣти П. А. Столыпина. Обоихъ придавило бревнами и досками. Мальчикъ, Аркадій, получилъ рваную рану головы и переломъ бедра. Дочь-дѣвушка, Н. П. Столыпина, пострадала еще ужаснѣе: у нея оказались раздробленными обѣ ноги—такъ называемый «открытый» переломъ голеней, т. е. переломъ, сопровождающийся ранами и обнаженіемъ мускуловъ. Бѣдная дѣвушка впадала въ забытіе и очнулась только тогда, когда ее вынули изъ-подъ обломковъ. —«Это сонъ?»—спросила она несчаго ее солдата. —«Нѣтъ, барышня, это не сонъ!»—отвѣтилъ онъ.

Въ настоящее время положеніе раненаго мальчика улучшилось, и есть надежда, что онъ вполне оправится. Что касается Н. П. Столыпиной, то хотя, по мнѣнію врачей, и удастся избѣжать ампутаціи обѣихъ ногъ, но все-таки положеніе ея очень тяжкое. Помощь дѣтямъ П. А. Столыпина оказывалъ извѣстный хирургъ Е. В. Павловъ, случайно увидавшій у больницы Кальмейера каретки скорой помощи и зашедшій узнать, въ чемъ дѣло.

Убито взрывомъ около 30 человекъ. Общее же число постра-

гаютъ, что два найденныхъ трупа принадлежать имъ. Одинъ изъ труповъ одѣтъ въ блестящую офицерскую форму, но при этомъ въ штатскій жилетъ и грязное бѣлье и имѣетъ внѣшность простого чернорабочаго. Отъ другого предполагаемаго виновника остались одніи ноги, одѣтыя въ военные ботинки.

Въ настоящее время слѣдственной власти удалось уже напасть на слѣды преступленія.

8-го августа въ Петербургъ пріѣхало четверо неизвѣстныхъ лицъ: двое мужчинъ и двѣ женщины. Пріѣзжіе наняли въ д. № 49 по Морской улицѣ меблированную квартиру и внесли за нее 250 р. По документамъ двое значились супружескою четой Морозовыхъ, а остальные были: дворянинъ Мироновъ и служанка Морозовыхъ.

Новые жильцы быстро заслужили любовь и уваженіе у двора. Жили они, не стѣняясь средствами, ѣздили въ оперу, въ дорогомъ наемномъ ландо, и щедро давали на чай. У кучеровъ того извозпромышленнаго заведенія, гдѣ они брали ландо, возникали даже споры, кому возить господъ? Въ этомъ же заведеніи было взято ландо и 12 августа. Ландо было заказано къ 2 часамъ дня; заказала его служанка. Анна Монахова. Кучеромъ поѣхалъ нѣкій Stanislawъ Беднарскій.

Жертвы взрыва 12 августа с. г. Опознаніе труповъ на дворѣ Петропавловской больницы. Къ покушенію на П. А. Столыпина. По фот. генерала А. Насѣтѣвича, авт. «Нивы».

давшихъ доходить до 60. Въ числѣ убитыхъ опознаны: г.-м. А. Н. Замятинъ, членъ совѣта м. вн. д. С. А. Хвостовъ, церемоніймейстеръ А. А. Воронинъ, Н. Ю. Слефотъ, подполк. Б. Ф. Шульцъ, г. Вербицкій, ротмистръ Н. Д. Федоровъ, швейцаръ министра, старикъ, прослужившій при 16 министрахъ, курьеры, официанты. Въ числѣ частныхъ лицъ, погибшихъ отъ взрыва, оказался типографъ г. Буссель. Погибъ также и извѣстный читателямъ «Нивы» кн. М. А. Накашидзе, по идѣи и инициативѣ котораго усовершенствованъ блиндированный автомобиль. Тяжело раненый кн. Н. В. Шаховской, бывший начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, въ ночь на 19 августа скончался.

По мнѣнію компетентныхъ лицъ, бомба, которая послужила орудіемъ взрыва, была начинена мелинитомъ. При какихъ, именно, обстоятельствахъ она разорвалась? Какъ теперь выяснилось, злоумышленники добивались приѣма у министра. Но такъ какъ записъ посѣтителей была уже прекращена, то швейцаръ не пускалъ ихъ. Кромѣ того швейцару показались подозрительными нѣкоторые несообразности въ костюмѣ офицеровъ. Пріѣхавшіе вступили съ нимъ въ споръ и пытались проникнуть къ министру силой. Но это имъ не удалось, и вотъ тогда-то одинъ изъ нихъ и бросилъ на полъ свой портфель, въ которомъ была скрыта бомба. Оба виновника взрыва погибли. По крайней мѣрѣ, предпола-

12 августа, въ 2 часа дня пріѣзжіе—Морозовъ и Мироновъ, одѣтые въ офицерскую форму, и Морозова, въ эффектной черномъ платьѣ, спустились по парадной лѣстницѣ, сѣли въ ландо и уѣхали. Слѣдомъ за ними спустилась съ лѣстницы Анна Монахова и, заявивъ дворникамъ и швейцару, что если господа уѣхали, такъ и она идетъ гулять,—тоже ушла куда-то. Ни швейцаръ, ни дворники не удивились, увидѣвъ «господъ» переодѣтыми. Швейцаръ, какъ говорятъ, предварительно былъ напоенъ ими до-пьяна.

Съ этого момента новые жильцы словно въ воду канули. Позднѣ въ ихъ квартирѣ былъ произведенъ обыскъ, но кромѣ носильнаго платья и небольшого чемодана, обложеннаго внутри ватой, не было найдено ничего. Въ этомъ чемоданчикѣ, вѣроятно, и была привезена бомба. Найдены, впрочемъ, были еще букеты цвѣтовъ и коробка тянущекъ...

Къ вечеру этого дня уже выяснилось, что жильцы (по крайней мѣрѣ, двое изъ нихъ) погибли при взрывѣ на Антекарскомъ островѣ. Потомъ была опознана среди труповъ въ Петропавловской больницѣ и та особа, которая называла себя служанкой Анной Монаховой. Третій злоумышленникъ, говорятъ, тоже погибъ (онъ оставался въ ландо). Остальные детали, а также и основа всей этой кровавой исторіи остаются пока скрытыми.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Министръ народнаго просвѣщенія. (Изъ записной книжки). А. Круглова. — К. М. Фюфановъ. (По поводу 25-лѣтія поэтической дѣятельности). — Стихотворенія К. М. Фюфанова. — Сила роста гриба. Очеркъ М. Орлова. — Покушеніе на П. А. Столыпина.—Объявленія. РИСУНКИ: Въ былые годы. — Наконецъ одни. — На парусахъ. — Вечерняя звѣзда. — Новый кабинетъ министровъ. 1) П. А. Столыпинъ. 2) А. П. Извольскій. 3) Кн. Б. А. Васильчиковъ. 4) В. Н. Коковцовъ. 5) И. Г. Щегловитовъ. 6) П. М. фонъ-Кауфманъ. 7) Д. А. Философовъ. 8) П. П. Извольскій. — К. М. Фюфановъ. — Флотъ, ежегодно поглощаемый моремъ. — Къ покушенію на П. А. Столыпина (9 рисунковъ).

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ кн. 30.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

